

Десять дней назад Гоу Минчжи прислал досье на какого-то мужчину и велел докопаться до его происхождения. Судя по всему, эти данные были выущены из базы членов какого-то фитнес-клуба.

В ходе проверки выяснилось, что этот мужчина — рецидивирующий харассер, который постоянно выискивал в самых разных местах женщин и приставал к ним.

Если зажатая в тисках страха жертва не решалась добиваться справедливости, он поливал её площадная брань, после чего с победоносным видом хлопал себя по задкам и уходил в закат.

Если же преследуемая женщина реагировала бурно и с ней оказывалось непросто совладать, он покорно признавал свою вину, в дальнейшем демонстрировал примерное поведение, и инцидент сам собой сходил на нет.

Хуай Дун поднял глаза и уставился в зеркало заднего вида, где чётко отражался профиль Гоу Минчжи:

— Та госпожа Фу, к которой он приставал, вам кем-то приходится... знакомой?

Гоу Минчжи бросил на него мимолётный взгляд и тут же отвёл глаза в сторону.

— Не спрашивай лишнего.

Хуай Дун чуть опустил голову и больше не стал гадать.

Вспомнив, что у него остался ещё один нерешённый вопрос, он почувствовал, как на душе скребут кошки, и принялся подбирать слова, чтобы не вызвать у собеседника недовольства.

Неизвестно когда Гоу Минчжи уже повернул голову и подал голос:

— Есть что сказать — говори.

Хуай Дун слегка развернулся всем корпусом, глядя на лицо под полями чужой шляпы, и выбирал выражения предельно осторожно:

— Та женщина звонила мне, интересовалась, сколько вы ещё собираетесь пробыть здесь. Дать ей какой-то ответ?

Улыбка на лице Гоу Минчжи на мгновение застыла, но тут же расцвела вновь:

— Чему тебя учить? Поступай как раньше, просто игнорируй её.

В завершение он сузил глаза, пристально глядя на Хуай Дуна, и процедил с лёгким презрением в голосе:

— Не забывай своего места.

Намек на предупреждение и порку в этом заявлении мгновенно заполнил весь салон автомобиля.

Хуай Дун, разумеется, ничего не забыл. Той зимой у него появилось новое имя, и это стало его перерождением.

Тринадцать лет назад.

Хайчэн, зима.

Редкие снежинки кружились в воздухе, разлетаясь повсюду и опускаясь на плечи сбитому с толку оборванному мальчишке, распростёртому на земле.

В двух километрах впереди находилась частная школа. Как раз шёл конец занятий, и на дороге то и дело попадались роскошные машины, приехавшие за детьми.

Улицы кишели толпами народа.

Однако на лежащего у обочины несчастного подростка никто не обращал внимания.

Зимний ледяной ветер пробирал до костей, проникая прямо в душу. Прохожие, кутавшиеся в пуховики, порой останавливались, чтобы бросить на него взгляд, но затем неизменно шагали дальше.

И всё же тонкая верхняя одежда, наброшенная на плечи оборванца, приносила в этот город крохи тепла.

Губы лежащего на земле мальчика побелели от холода, а на слегка сдвинутых брови лёг иней.

Тонкая ткань одежды не спасала от проникающего в кости мороза.

Холодно...

В животе было пусто, еда не согревала изнутри, в голове шумело. Ему хотелось открыть глаза, но веки казались налитыми свинцом.

Звуки доносились уже с трудом, словно сквозь вату.

В пограничном состоянии сознания ему слышались шаблившиеся шаги, а следом чей-то взгляд упал на его тело:

— Откуда тут этот мусор?..

Мягкий, с издевкой детский голос. Слова, полные высокомерия и презрения.

Ободранный подросток был не в силах ответить, да и надеяться ему было не на что.

Наверное, поглазеют пару секунд и уйдут. В конце концов, он всего лишь никому не нужный мусор неизвестного происхождения, которым можно торговать или выбросить на помочку...

— Молодой господин, на улице холодно, не задерживайтесь надолго... — обеспокоенно произнёс какой-то юноша.

И правда, спустя пару секунд слышались шаги удаляющегося человека:

— Поди уже очоурился, пошли назад, дядя Вэнь...

Сознание несчастного стало меркнуть.

Он и вправду не переживёт эту зиму.

Ну за что же...

В груди поднялась едкая кислота, но слёз не было. Слабый шёпот сорвался сквозь стучащие от озноба зубы:

— За что же... мама?..

После этого он окончательно потерял сознание.

Когда он очнулся снова, незнакомый потолок и мягкая, уютная постель под спиной заставили его резко сесть.

Неужели его снова поймали и притащили обратно?

Он огляделся.

Обстановка здесь была роскошной, убранство изысканным — просторная комната размером с гостиную всюду источала дух богатства.

Это вовсе не та тесная и душная комнушка, где он ютился раньше.

Вдалеке на диване сидел ребёнок и сосредоточенно возился с бумагой, складывая origami.

Он опустил глаза.

Одежда на нём была уже совсем другая, совершенно не по росту — рукава свисали длинными полотнами, это были вещи для взрослого человека.

Но исходивший от ткани аромат кондиционера для белья принёс ему успокоение. Сколько же времени прошло с тех пор, как он в последний раз чувствовал этот нормальный запах?

Сбежав, он всё время скитался на улице. Возвращаться домой было нельзя ни в коем случае, но и пойти ему было некуда, оставалось только бесцельно бродяжничать.

Шло время, от него стало невыносимо разить кислым потом, он даже не мог нормально помыться, не говоря уже о смене белья. То, что он ещё не умер с голоду, было чистой воды удачей.

Он был слишком мал, чтобы заработать на жизнь честным путём. Изредка кто-нибудь подавал ему объедки, но он прекрасно понимал, что долго так продолжаться не может.

Тогда он пытался умолять хозяев уличных лавочек взять его в подмастерья — не за деньги, лишь бы кормили. Но его прогоняли, брезгливо заявляя, что он слишком мал и ни на что не годен. Правда, сжалившись над его жалким видом, всё же кидали кусок еды и велели убираться.

Кто-то даже предлагал помочь отыскать родителей, но он наотрез отказывался и пускался наутёк. Ему уже исполнилось тринадцать, он был не из тех глупых малышей, что ничего не понимают, и прекрасно знал: возвращение вряд ли окажется лучше нынешнего бродяжничества.

Вот только пережить зиму оказалось слишком тяжело.

Именно поэтому он не выдержал и рухнул прямо у дороги.

Очутиться вдруг в такой обстановке было непривычно до крайности.

Заметив движение, мальчик на диване даже не поднял головы и бросил небрежно:

— Наконец-то проснулся.

Мальчишка-бродяга насторожился, но делать было нечего — раз уж находишься под чужой крышей, приходилось осторожно осведомляться:

— За... зачем вы меня привели?

Мальчик тихонько усмехнулся и спросил:

— Здесь ведь просторно, правда?

Подросток кивнул:

— Да.

И не просто просторно, здесь тепло.

Мальчик разгладил ногтем свежий сгиб бумаги и продолжил:

— В этом доме живу только я да слуги. Ужасно скучно, так что временами мне нужно находить себе развлечения.

Подросток молчал. Ему почему-то казалось, что этот ровесник улыбается как-то неприятно, а в самом его облике сквозило нечто странное, совершенно не вязавшееся с мягкой внешностью.

Помолчав, мальчик стер с лица улыбку и прямо спросил:

— Как тебя зовут? Когда окрепнешь, я прикажу кому надо, чтобы тебя отвели обратно.

Обованец остолбенел.

Обратно? Да куда ему возвращаться?

Пальцы судорожно вцепились в одеяло. Собравшись с мыслями, он почувствовал, как в его потухших глазах мелькнул слабый огонёк, и ответил с непоколебимой твёрдостью:

— Я не хочу прежнее имя, и идти мне некуда... Меня продали собственные родные, а недавно мне удалось сбежать, поэтому я и...

К концу фразы его голос стал совсем тонким и неуверенным.

Услышав это, мальчик прервал своё занятие и впервые поднял голову. На его лице вдруг расцвела улыбка, словно он услышал нечто крайне забавное:

— Ты хочешь остаться здесь?

Подросток впервые смог как следует разглядеть лицо собеседника.

Лицо, покрытое синяками.

Застыв на несколько секунд, он сообразил, как это бестактно, поспешно отвёл взгляд и едва заметно кивнул:

— Да, я хочу остаться здесь.

Мальчик взял в руки незаконченную поделку из бумаги и принялся её разглядывать. Выражение его лица оставалось невинным и доброжелательным, однако во взгляде промелькнули лукавая пронзительность и едва уловимая, жестокая насмешка.

— Только в моём доме не держат бесполезных дармоедов.

<http://bllate.org/book/20517/2045901>